

# сам себе плейбой

Андрей Житинкин написал книгу

АРТУР СОЛОМОНОВ

**Режиссер Андрей Житинкин представил московской публике свою новую книгу «Плейбой московской сцены». Впечатлениями от нее делится корреспондент Газеты.**

Анекдот, который пришел в голову, когда я читал книгу «плейбоа московской сцены». Входит к врачу пациент. Жалуется на проблемы. Врач говорит: «Расскажите, пожалуйста, все с самого начала». — «Сначала, доктор, я создал мир». Книга написана человеком, которого с этой прелестной мысли не сбить.

В этой книге есть только три вещи: любовь к себе, любовь к себе и любовь к себе. В своем самообожании Житинкин, бесспорно, обаятелен. Оно, как и положено, граничит с катастрофической неуверенностью, поэтому со страниц слышится ворожба: «Да! Я стильный!», «очень щедрый», «мои спектакли с другими не перепутаешь», «на премьере боюсь Ходынки», «вдруг все стали подражать моим длинным шарфикам», «все считают, что Житинкин — плейбой московской сцены»...

Кто назначил Житинкина плейбоем? Он пишет, что однажды в какой-то газете его так назвали. Однако один из лейтмотивов книги — «газеты все врут». Вот и разберись тут. Хотя, если человек хочет так называться, — что ж, пусть, но пусть тогда и книга соответствует названию. Ничего подобного! Если Житинкин говорит про эротику, то соскальзывает на теорию Фрейда и чувствуешь, как интонации становятся все назидательнее... А он твердит: Житинкин — человек-скандал, человек-маргинал, человек-авантюра... Но если сто раз скажешь «Горячо!», жарко не станет. Какие откровения, какие страсти, какие скандалы? Что может быть невиннее человека, со страницы на страницу объясняющему себе в любви? Он ведь глаз с себя не сводит. Неохота ему мараться.

Житинкин считает, что его спектакли лишь внешне скандальны, маргинальны и эпатажны, а на самом деле это лишь обертка, и он, заманивая зрителей какой-нибудь лесбийской сценой, проталкивает прямиком в его подсознание пару-тройку высоких ис-

тин. Так и с заголовком книги — назвался плейбоем, а на самом-то деле повел разговор не об эротике, а о чем-то более усложненном — аутоэротизме.

Но продолжим про эротику. Лишь однажды Житинкин употребляет слово «жопа», и то когда речь заходит о Романе Виктюке, которого он так и называет. Еще один эротический момент: единственный мужчина, которого «плейбоу московской сцены» хочется переодеть в женщину, — Владимир Вольфович Жириновский. Если бы Житинкин ставил спектакль с участием наших политиков, то в «Гамлете» Жириновский сыграл бы развратную мамашу принца Гертруду, а в «Горе от ума» — старуху Хлестову.

Помню, как несколько лет назад я был потрясен одной сценой: шел спектакль Житинкина «Нижинский, сумасшедший Божий клоун», сбоку, обмотанный длинным шарфом (которому все теперь подражают), стоял автор спектакля и аплодировал. Аплодировал неистово, заводя зал. Бывают, конечно, клакеры, но самоклакерство — это феномен, пока театроведению неизвестный. Вообще режиссер Житинкин — неотъемлемая часть театрального пейзажа: его одеяния, его почтения, его якобы скандальность.

Он постоянно твердит про «мифы о Житинкине». Вот, говорит, есть такой-то миф, а есть вот такой. Какие-то мифы опровергает, какие-то создает. Мне известен только один, и это действительно миф. Что Житинкин — режиссер скандальный. Может быть, я не застал период, когда он скандалил. Но кого же могут шокировать результаты его производства последних лет пяти? Не обескураживают их художественную ценность, соглашаюсь абсолютно с автором книги — что бы о нем ни говорили, а зрителя в Театр на Малой Бронной он вернул, многие его спектакли пользуются популярностью. Но считать Житинкина режиссером скандальным — это все равно что принимать детскую страшилку за крутой фильм ужасов. Справедливости ради надо сказать, что воспевают он не только себя, но и некоторых своих друзей. С другой стороны, были бы деньги, каждый из нас выпустил бы по такой книжечке — чтобы все знали, какой ты клевый, в какой классной компании тусуешься и как хорошо одеваешься.

Если поверить, что это не стеб, то становится очевидно, что основная цель автора книги — пустить тех, кто на него смотрит, кто нагло «хватает» его своим взглядом, по ложному пути, не дать добраться до сокровенной сути. Он, боясь, что кто-то что-то про него поймет, заранее устраивает «самоконцепцию». Концепция держится на трех китах: «Я плейбой! Я скандальный! Я щедрый!» Потому так усиленно интерпретирует себя, свою жизнь Житинкин — в интервью, в статьях, в своей книге, — что, похоже, боится интерпретаций. Или категорически недоволен ими. Иначе не написал бы книгу, в которой наивно указывает, какими глазами нам на него смотреть. Из подобных комплексов может родиться потрясающий театр для себя и для окружающих — такой устраивали, например, Шарль Бодлер, Оскар Уайльд. Здесь мы тоже имеем дело с театром для себя, но совсем иного уровня.

«Если я удерживаю внимание трех тысяч человек на одном пятачке Москвы в один вечер — это что-то да значит». Ну конечно, конечно значит! Кто же спорит? С кем спорит Житинкин, каких недругов он убеждает перейти в стан поклонников? Все эти разборки — внутренне дело «скандального режиссера», зачем было выносить на обозрение эту битву с призраками? Вся книга — доказательство того, что его, Андрея Житинкина, любить нужно. Любить всегда, любить везде. Порыв режиссера понятен, он никому не чужд. Но нужно ли для этого выжимать из себя оригинальность, поправлять ошибки Станиславского, объявлять себя законодателем мод, учителем Ширвиндта (иногда), скандально-маргинальным, великим и ужасным — не знаю. Чело- века можно полюбить, даже если он лишен вышеперечисленных достоинств. Может быть, не стоит так напрягаться. Тем более помня, какое смешное впечатление производит человек, который все время пытается подпрыгнуть выше головы. И тогда невольно не вырвется такая вот фраза: «Мы можем просто не заметить, как скатимся в черную дыру апокалипсиса. И что же тогда — ждать нового взрыва во Вселенной, чтобы появилась новая разумная материя?» То есть когда погибнет все живое, кто-то все же останется ждать, когда жизнь зародится вновь. Я даже догадываюсь кто...